

СМТ, 297, 1983/18 мая, № 0

ВНЕЧА

БУДУЩИЙ историк театральной жизни столицы, несомненно, отметит, что в восьмидесятые годы после долгого затишья опять стало по вечерам оживленно на площади Коммуны, у подъезда Центрального академического театра Советской Армии. Висевшие некогда транспаранты, которые оповещали, над чем труппа работает, теперь стали мелькать с такой быстротой, что живущие по соседству москвичи не успевают с ними освоиться. Достать билет в ЦАТСА опять стало проблемой, в кулуарах критики возобновили споры о немеркнущих традициях Попова, а по окончании спектакля из обоих залов выходит народ взволнованный, одухотворенный, получивший ту долю оптимизма и утешения, ради которого люди и ходят в театр.

Что же, собственно, произошло?

Одни скажут: да ничего особенного, просто у них там был капитальный ремонт. Другие возражают: да нет же, все дело в том, что в ЦАТСА появился новый главный режиссер. Причем произошел тот самый редкий случай, когда назна-

чение совпало с тем, что принято называть «болдинской осенью», которая нет-нет, да и улыбнется то одному, то другому художнику. За два сезона работы в ЦАТСА Юрий Еремин выпустил четыре спектакля.

«Старик» на малой сцене признан критикой едва ли не самым глупым прочтением этой

НА ПЛОЩАДИ КОММУНЫ

горьковской пьесы. «Часы без стрелок» — трагическая и мужественная страница борьбы блокадного Ленинграда. «Счастье мое...» — редкий сплав лирики с драмой, рассказ о первой любви с ее ослепительными полетами и бесконечно горькими падениями. «Закон вечности» — прорыв в самую что ни на есть злобу дня...

Из актеров, кажется, ему особенно легко работает с Николаем Пастуховым. Старик Пастухова многомерен, скрытен, опасен, чудовищен, что-то от Достоев-

ского даже чувствуется в этой роли. А казалось, пьеса давным-давно прочитана, исчерпана, все, что можно было извлечь из этого корня, извлечено, и попытаться еще что-либо найти — только время потерять.

Вообще-то нужно сказать, что театральная режиссура — профессия во многих отношениях зага-

дочная. И хотя сам режиссер мелькает перед зрителями всего какие-нибудь полторы-две минуты, и то в конце спектакля, только в премьерные дни, авторитет его в этом мире абсолютен. Его талант, его образ мыслей, его вкусы, его, наконец, слабости и чудачества определяют жизнь театрального коллектива на долгие годы.

Юрию Еремину повезло в том смысле, что он получил назначение в театр, который, что называется, истомился по серьезной работе. Солнце, воздух и вода жи-

ненно необходимы не только пшеничному росту, но и любому художественному замыслу. Ростов — город южный, и новый главреж приехал в Москву, полный самых дерзких замыслов. Его спектакли легки, прозрачны, они увлекают зрителя не массой своей, не грандиозностью, оставшейся в первоначальном замысле, а исключительно художественными реальностями. Не могу не отметить странный, удивительный по нынешним временам такт и уважение, проявляемые Ереминым к художественному слову. Его, кажется, не прельщает возможность сначала «снести» то, что было создано драматургом, с тем чтобы потом, переведав дух, попытаться склеить из оставшихся черепков что-нибудь собственное. Он предпочитает включиться в работу с той самой точки, до которой дошел драматург, прекрасно понимая, что любое дело, если без конца возвращать его к началу, рискуешь так никогда до конца и не довести.

Ион ДРУЦЭ